

ШУКШИНИСТИКА

УДК 821.161.1

DOI 10.37386/2305-4077-2026-1-6-27

© П. В. Маркина¹

*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Россия)*

«МОРСКОЙ ТЕКСТ» В. М. ШУКШИНА

«Морской текст» В. М. Шукшина не был системно описан в отечественном литературоведении, но работы как о фактах биографии, связанных с морем, так и о геопоэтике писателя существуют. В данной статье исследованы особенности поэтики моря в текстах Шукшина, а также факты «морской» биографии, сопряженные с жизнетворческими стратегиями поведения; семиотика моря в географии оппозиций и в контексте водных топосов. Прослежена эволюция морского комплекса от раннего творчества к позднему и рассмотрен кинематографический контекст.

Ключевые слова: В. М. Шукшин, поэтика, биографический код, семиотика, морской текст

Polina V. Markina

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

THE SEA IN LIFE AND WORK OF V. M. SHUKSHIN

Some works on literary criticism of V.M. Shukshin's creative writing deal with the facts of his biography related to the sea as well as the writer's geopoetics. However V. M. Shukshin's "Marine Text" has not been systematically described. This article explores both the features of the sea's poetics in Shukshin's texts, and the facts of his "marine" biography associated with his life-creating strategies, the semiotics of the sea in the geography of oppositions, and the context of water topos. It traces the evolution of the marine complex from his early works to his later ones and examines the cinematic context.

Keywords: V. M. Shukshin, poetics, biographical code, semiotics, marine text

В обыденном сознании В. М. Шукшин часто ассоциируется с деревенской прозой, хотя в своих статьях и интервью писатель неустанно опровергал свою принадлежность к культурной оппозиции города и деревни. При этом воспоми-

¹ Полина Владимировна Маркина – кандидат филологических наук, доцент, директор Института филологии и межкультурной коммуникации Алтайского государственного педагогического университета. ORCID: 0000-0001-8545-1668. E-mail: markina_pv@altspu.ru.

нения современников полны историями о нем как сельском жителе. Шукшин сознательно моделировал свою жизнь как успешный проект, при этом атрибутируя собственную непохожесть на московскую интеллигенцию. В «Моде...» (1969) Шукшин противопоставил себя «узкобрючникам»: «...так увлекся этой борьбой, ...что, утратив, еще и чувство юмора, всерьез стал носить... сапоги. Я рассуждал так: они копируют Запад, я “вернусь” назад, в Русь» [Шукшин, т. 9, с. 42]². Исследователи говорят и о мистификации автобиографии.

В житнетворческих стратегиях Шукшина неожиданно появляется морской комплекс. Термин введен В. Н. Топоровым: в анализе «поэтического» комплекса моря он в «морском» развел море «реальное» и «изображаемое» [Топоров, 1995]. Во втором случае, когда речь идет об объекте изображения, выделяются стереотипы описания – своего рода семантические паттерны. А. И. Разувалова, рассматривая жизнь и творчество Шукшина как единый текст, укладывающийся в логику житнетворчества, уловила связи между поэтикой и культурой в процессе формирования профессиональной репутации, игры с символическим капиталом [Разувалова, 2015].

Один из известных фактов биографии будущего писателя и режиссера – служба в военно-морском флоте СССР в 1949–1952 гг. На срочную службу его призвал военкомат Московской области: «Службу начал в учебном отряде в г. Ломоносове Ленинградской области. Воинская специальность – радист» [Марьин, 2009, с. 69]. Обратим внимание на знаковое название города: «ломоносовский миф» в жизни и творчестве писателя имеет особое значение [см.: Горн, 1990, с. 24].

Биография Шукшина разворачивается во взаимовлиянии двух противоположных стратегий – «ломоносовского мифа» и мифа о «власти земли» [Левашова, 2014], это истории об удачном приходе из деревни в город и об оторванности от корней. Одним из значимых иницилирующих фактов в этих семиотических системах становится встреча человека с техникой. Мемуаристы неоднократно указывали на факт неуспешной учебы Шукшина в автомобильном техникуме в Бийске, восходящий к архетипической ситуации неудачи³. В то же время этот факт вступает в противоречие с другим – с несостоявшимся обучением в авиационном училище из-за потери документов. Кроме того, Шукшин освоил сложную техни-

² Тексты Шукшина цитируются по: Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. Барнаул: Изд. дом «Барнаул», 2014. Далее номера тома и страниц указываются в круглых скобках после цитаты.

³ О неудаче как феномене подробнее [Феномен творческой неудачи, 2015].

ческую профессию в период военной службы, подробности чего закрыты из-за секретности.

Шукшин начал службу на Балтийском флоте, после окончания учебы был переведен на Черноморский флот (в воинскую часть под Севастополем). В официальном сообщении Центрального военно-морского архива говорится, что Шукшин «в 1950 году закончил по 1-му разряду специальные радиокурсы» [Лезинский, <https://proza.ru/2012/03/17/183?ysclid=md154aa8e033273690>]. Знаковое место в поле русской культуры, на первый взгляд, оказалось обойденным молчанием в биографии Шукшина.

Многие исследователи говорят о мифологизации некоторых фактов биографии (установлены случаи домысливания неизвестного, восполнения «белых пятен»). Неслучайно оператор А. Д. Заболоцкий раздел своей книги «Шукшин в кадре и за кадром» назвал «О подменах вспоминающих» [Заболоцкий, 1997, с. 87–101]⁴. Биографы Шукшина засвидетельствовали случаи появления нарративов о Шукшине, созданных его «сослуживцами» уже после того, как писатель стал известен.

Так, севастопольская тема отразилась в воспоминаниях бывшего матроса Льва Вяткина. Героем его мемуаров является старший товарищ Шукшин, служивший на гвардейском крейсере «Красный Кавказ». Вяткин рассказал о беседах с будущим писателем, о прогулках с ним по севастопольскому бастиону, об обсуждении Толстого, о библиотеке и списках книг для чтения, о желании писать и многом другом, что укладывалось в привычный сюжет о жизни Шукшина [Вяткин, https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/mechta_vasilija_shukshina_545.htm?ysclid=md15cg15sk963576559]. Между тем отмеченные в этом сообщении несообразности [Тепляков, 2018] позволяют опровергнуть легенды, навеянные масштабом личности Шукшина, как и историю о том, что писатель якобы не читал «Войну и мир» (легенда, как указал Д. В. Марьин, «не имеющая документально-го подтверждения...») [Марьин, 2014, с. 30].

Шукшин совсем не так становится частью толстовского мифа. Известно, что автор «Севастопольских рассказов» много значил для него. Как отметил А. И. Куляпин, «по Шукшину, зависимость русской жизни от литературы далеко не так безобидна, как может показаться на первый взгляд» [Куляпин, 2016б,

⁴ Так, вымышленными, например, признаны смоделированные по сюжету «Калины красной» воспоминания преподавателя Казанского университета об участии молодого Шукшина в воровской банде [Коробов, 2009, с. 25–26].

с. 413]⁵. Знаковые образы Севастополя, имеющие известные коннотации в русской культуре, есть в позднем творчестве писателя. В киноповести «Брат мой...» (1974, первоначальное название «Враг мой») Валентина, ставшая предметом соперничества двух братьев, получает такую характеристику: «Это не девка, а Малахов курган какой-то...» (т. 7, с. 121). То, что в поздних текстах спрятано в символах и подтексте, еще не до конца оформилось в ранних работах.

Известный факт, что Шукшин имел воинское звание – старший матрос – породил неточности в ряде биографий. То, что Шукшин «плавал по морям», исследователи признали мистификацией [Коробов, 2009, с. 48]. На сегодняшний день установлено (по воспоминаниям сослуживца Жупыны), что Шукшин служил сухопутным матросом, а товарищи в шутку свою часть называли «Крейсером Лукомским» (по имени адмирала, оставившего свою фамилию в название хутору). В письмах Шукшина М. С. Куксиной нет подтверждений ее рассказов о службе сына на эсминце.

Скорее всего миф рожден устными рассказами Шукшина, как и история о сорокаминутном безрезультатном спасении матроса, смытого за борт, и история о спасении самого Шукшина, которому в шторм потребовалась срочная госпитализация. Об этом же вспоминал И. Хуциев, сын режиссера, у которого снимался Шукшин. Ребенок хотел узнать о морских подвигах и получил придуманную историю о спасении Шукшина, у которого на корабле случился приступ аппендицита или язвы. В шторм добровольцы, сами рискуя погибнуть, довели его до берега: «А боль – прямо накрик кричал: “Ребята, ребята, доведите!” Стыдно, плачу, а не могу, кричу. А они гребут. Не смотрят на меня, гребут. Довезли» [Хуциев, 1979, с. 332]. На первый взгляд кажется, что плач моряка – проявление слабости, но значим сам факт того, что несколько матросов готовы пожертвовать своими жизнями ради него. Д. В. Марьин видит рождение этой байки в эпизоде появления реальной болезни Шукшина [Марьин, 2014, с. 23]. Парадоксально, что свою болезнь (и последующее за этим списание с военной службы) Шукшин получил, когда в группе лучших радистов был отобран для первого послевоенного заграничного похода в Болгарию и Албанию. Уже откомандированный на корабль для испытания нового вида поступившей передающей техники, он на него так и не попал.

⁵ В «Точке зрения» (1974) герои, обсуждая повесть «Жилин и Костылин», говорят о том, что любое художественное слово соотносится с тем, как жил его автор. «Какая повесть! – сказал Дед. – Умел закручивать граф Толстой. А? Мастер, мастер. Биография только... того, а так – мастер» (т. 3, с. 275).

История о неудачном покорении моря стала основой для мистификаций. Даже в некоторые биографии ошибочно проник факт, связавший Шукшина с Шолоховым: в экранизации «Тихого Дона» (1958) кто-то узнал Шукшина в эпизодической роли матроса [Гришаев, 1994, с. 144–145]. Может быть, этим же объясняется попытка вписать жизнетворческую стратегию Шукшина в трафарет Мартина Идена (В. Коробов, Л. Вяткин, С. Тепляков). Тем не менее, первые роли Шукшина – «морские»: матрос-целинник Степка Ревун в «Аленке» (1961), рыбак Жорка в фильме «Какое оно, море?» (1964), морской офицер Николай Ларионов в «Мужском разговоре» (1969). Последний фильм относится к более позднему периоду, в нем матрос уже дорос до звания офицера. Однако о море в этих ролях свидетельствовала только одежда.

Морская форма, которую носил Шукшин (парадный ее вариант в синем цвете без шевронов), хранится в музее⁶. Вспоминая студенчество, бывший одногруппник писал, что Шукшин «первые два года носил морской китель из темно-синей диагонали с черными «гражданскими» пуговицами, на ногах – военные сапоги» [Гордон, 2007, с. 50]⁷. Эта одежда нужна была не только для учебы во ВГИКе. А. С. Пряхина указывает, что первое время после возвращения домой из армии он ходил в необычной для села матросской форме [Пряхина, 2005, с. 108]. Бывший редактор сростинской районной газеты М. Г. Гапов, вспоминая «черную матросскую шинель», в которой ходил молодой Шукшин, связывает это время с периодом написания первого романа: «“Любавиных” он начал писать, наверно, когда пришел с флота (а может, на флоте еще писал)» [Гапов, 1989, с. 82–83]. Море остается за рамками первой книги романа, присутствуя только в ругательстве о женщине («кукла ты морская», т. 2, с. 25). Во второй книге, которая при жизни Шукшина не публиковалась, Андрей, неразговорчивый матрос Тихоокеанского флота, – положительный герой: «Служба Андрею пошла впрок: он получил там специальность дизелиста, окончил десятилетку, вступил в партию и получил за что-то орден Красной Звезды» (т. 2, с. 428). Неосуществившуюся модель собственной жизни автор отдал своему герою. В финале романа появляется другая

⁶ Речь идет о Всероссийском мемориальном музее-заповеднике В. М. Шукшина (Алтайский край, с. Сростки). Один из экспонатов (зажигалку в виде корабля) Шукшин привез с флота и берег всю жизнь. Начало собирания флотских предметов было положено М. С. Куксиной, получившей бескозырку через установившуюся переписку с сослуживцами сына [Ульянова, 2010].

⁷ На фотографиях молодой Шукшин в белой парадной форме без головного убора и в синей парадной форме с белой и темной бескозырками, а также в черном бушлате и в темной бескозырке в полный рост на фоне картины с кораблем и декоративного камня.

деталь. Пока уезжающая Мария брала билет в кассе вокзала, Иван, решивший ее проводить, «сидел на широком жестком диване, разглядывая огромную картину, на которой матросы Черноморского флота бились с немцами» (т. 2, с. 456).

«Морской текст» сопрягается с военной темой. В «Калине красной» в сцене застолья Люба с Егором рассматривают фотографии из семейного альбома: «А вот Петро наш... Во, строгий какой, а самому всего только... восемнадцать. Он в плен попал, потом наши освободили их. Его там избили сильно... А больше нигде даже не царапнуло» (т. 6, с. 232). В фильме на фотографии молодой А. З. Ванин, сыгравший брата Любы, в темной бескозырке и темной парадной матросской форме (см. кадры на 43–44-ой мин.). Этот наряд плохо увязывается с замечанием о том, что он был в плену. Известно, что Ванин – фронтовик, служивший снайпером, а потом разведчиком при артиллерии. Есть фотографии, где он молодой в военной форме сухопутных войск Советской Армии (не в форме Военно-морского флота).

Ремень как атрибут матросской формы у героя рассказа «Материнское сердце» (1969): «Вот гляди: ремень твоего сына... Он во флоте, что ли, служил?... – Во флоте, во флоте – на кораблях-то на этих...» (т. 5, с. 38). Обманутый герой вступает в бессмысленную случайную драку, которая определит ему в будущем уголовную судьбу: «Витька расстегнул свой флотский ремень, намотал конец на руку – оставил свободной тяжелую бляху, как кистень» (т. 5, с. 36). Названное оружие, часто считающееся оружием разбойников, актуализирует разинский контекст, значимый в поэтике Шукшина.

В рассказе «Два письма» (1967) герой пишет первое проникновенное письмо товарищу юности, вспоминая, как они – одни из всей деревни – получили высшее образование: «Последний разок побывать на родине. Нарядились, как эти... черт знает кто! На мне белая какая-то заграничная рубашка, ты зачем-то матроску напялил. Шли по улице – два пижона» (т. 1, с. 107). Одежда моряка мыслится как символический жест «покрасоваться» – выставляемый напоказ костюм, чуждый деревне, живущей физическим трудом.

Рожденный для работников экрана миф о бывалом моряке совпадает с поступлением в августе 1954 г. во ВГИК и первой ролью в снимавшейся в Одессе картине «Два Федора» (1957). В октябре 1955 г. (больше, чем через год после поступления на режиссерское отделение в мастерскую М. И. Ромма) в журнале «Советский воин» (№ 10) вышла статья «Решил стать кинорежиссером», в которой рассказывается об особо отличившемся матросе – участнике концерта

самодетельности: «Молодец, Шукшин! Учиться надо вам по этой линии. Способности есть – дело пойдет!.. И Шукшин стал больше и серьезнее заниматься сценическим искусством: «Скоро ему доверили руководство драмколлективом, и матрос выступил уже не только как исполнитель, но и как режиссер. После каждого спектакля товарищи делали своему любимцу замечания, указывали на его достижения и недостатки» [Решетников, 1955, с. 27]. В ситуации введения в заблуждение журналиста⁸ – не столько желание прославиться, сколько моделирование ситуации простого парня, получающего интеллигентскую профессию по поручению товарищей-моряков. Так Шукшин маскирует собственное стремление к успеху.

В «Призвании художника», в интервью корреспонденту газеты «Ленинская смена» (3 февраля 1966), Шукшин сказал: «Я полюбил суровых и вместе с тем добрых односельчан, родной сибирский край. И эта любовь помогла мне штормовать на флотской службе, помогла выстоять, когда болезнь чуть не свалила меня замертво... В армии я заочно закончил среднюю школу и после демобилизации предстал перед экзаменационной комиссией ВГИКа» (т. 8, с. 85). Искажение фактов (штормовал, в армии закончил школу, демобилизация) говорит о сознательном моделировании биографии ранним Шукшиным.

Став известным, он не изменил своего отношения к простым людям: поддерживал и принял флотского друга Ермилова. В воспоминаниях подчеркивается, что Шукшин тепло относился к нему, видя в нем талант: «Шукшин восхищался его темпераментом, умением рисовать и даже заказал ему портрет деда и бабушки с выгоревшей фотографии» [Чикильдик, 2021, с. 224]. Мать писателя отметила похожесть получившегося изображения. В письме бывшего командира отделения Н. Ф. Шмакова и старшего матроса запаса В. А. Мерзликина описывается этот друг, который стал прообразом Пашки Колокольникова [Лезинский, <https://proza.ru/2012/03/17/183?ysclid=md154aa8e0333273690>].

Исследователи обращали внимание, что в текстах Шукшина нет морского подъязыка, профессионализмов, почти нет образов моря. Вместе с тем ранний Шукшин репрезентирует в своем поведении в творческой среде именно роль корабельного матроса, как бы отсылая к фильмам С. Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»» – «Октябрь»⁹.

⁸ В творчестве Шукшина эта профессия оторвана от жизни: «Леля Селезнева с факультета журналистики», «Гринька Малюгин», «Живет такой парень», роль в фильме «Журналист».

⁹ Вспомним о биографическом как бы обратном пути Шукшина от Балтийского моря и Ленинграда на юг, первые актерские съемки в Одессе.

Поздний Шукшин сосредоточен на фигуре С. Разина, воплотить которого ему как писателю, как актеру и как режиссеру хотелось. Образ батьки-атамана, хотевшего дать мужику волю, сопряжен с фигурой отца, который, «... хотел, сволочь такая, восстание подымать» (неоконченный рассказ «Солнечные кольца», 1968, т. 9, с. 40). Герой «Двух писем» говорит о своем желании «поднять восстание» – выступить против жены и ее убеждения отдыхать в Гаграх: он хочет летом ехать не на много раз посещенный курорт, а в деревню.

Море в биографии Шукшина сопряжено с семейной темой. Когда ему предложили сниматься в картине «Какое оно, море?» (1964)¹⁰, он пригласил к себе, в Судак, сестру с маленькими племянниками. В письме к матери он писал, что в Крыму можно оздоровиться («Тут море рядом, где я живу, ребятишки, да и она сама на пять лет здоровья наберутся», т. 8, с. 252), а в воспоминаниях племянника С. А. Зиновьева он остался для них внимательным «лелей», заботящимся о них вместо умершего отца [Зиновьев, 1999, с. 460–461]. Шукшин, чувствуя ответственность за овдовевшую сестру и осиротевших племянников, словно воплощает идею картины в жизнь¹¹. Так сибиряк вписывается в советскую парадигму черноморского отдыха.

В «Печках-лавочках» (1972) темой детства усиливается идиллический деревенский модус: «Иван произносит речь перед гостями, объясняя, почему важно взять с собой детей в отпуск на море, приводит пример из собственного детства, вспоминая отца» [В. М. Шукшин: pro et contra. Современные аспекты исследования, 2024, с. 255]. Значимо, что детей на море взять так и не удалось.

Иван Расторгуев так объясняет желание взять маленьких детей на опасный курорт: «Я хочу, чтоб дети мои с малых лет развитие получили! Вот так... Они, к примеру, пошли в школу, стали проходить море – а они его живьем видели, море-то? Скажут, папка возил нас, когда мы маленькие были. Я вон отца-то почти не помню, а вот помню, как он меня маленького в Березовку возил. Вот ведь что запомнилось! Ведь тоже, небось, и ласкал и конфетку когда привозил – а вот ничего не запомнил, а запомнил, как возил с собой на коне в Березовку...» (т. 6, с. 249). Недоступный локус сопряжен с фигурой отца, способного открыть его детям. Обратим внимание на важное сопоставление ключевых образов, имеющих свою семантическую закрепленность в культуре: море – символ свободы, стихии и коня¹² – аллегории крестьянского труда.

¹⁰ Рабочее название фильма – «Мальчик у моря».

¹¹ Другие актеры также брали с собой детей: например, Л. Федосеева взяла с собой дочь.

¹² У Шукшина значимо, что не лошади.

Почти через полгода после съемок фильма «Какое оно, море?», в интервью «Приглашение в соавторы» корреспонденту газеты «Водный транспорт» (17 декабря 1964), Шукшин пытается вписаться в уже разрушающуюся модель собственной карьеры как флотского проекта (см.: т. 8, с. 81).

Шукшин осмысливает парадигму курортного романа. По дороге в Крым на съемки детского фильма про море Шукшин в поезде близко знакомится с Л. Федосеевой. По словам актрисы, изначально не хотевшей сниматься с Шукшиным, помнившей, как он распекал ее по партийной линии в период студенчества, все изменила песня «Калина красная», которую она спела в купе. Оператор В. Гинзбург констатирует: «В один свободный от съемок день вместе с Лидией Николаевной Федосеевой, будущей женой Василия Макаровича, мы поехали гулять в Новый Свет. Было солнце, море. Было весело. Шукшин был счастлив» [Гинзбург, 1979, с. 217]. Это нашло отражение в фильме «Печки-лавочки», где жители алтайской деревни едут на море.

О. А. Скубач, анализируя перемещения в текстах писателя, приходит к следующему выводу: «...важен не сам факт перемещения в пространстве, но приобщение к тем смыслам, которые за ним закреплены» [Скубач, 1998, с. 148]. В этом контексте понимание геопоэтики Шукшина позволяет осмыслить авторское отношение к персонажу.

В рассказе «Хмырь» (1971)¹³ пространство курорта «заставляет» героя обманывать жену: «Такие, курносые, с круглыми глазами, попадая на курорт, чудом каким-то преодолевают врожденную робость, начинают сыпать шутками, прибаутками, начинают приставать к молодым женщинам, и все громко, самозабвенно, радостно. Они считают, что на курорте так надо» (т. 5, с. 171). Когда «праздник» разрушен, грех «разрешается» себе в оправдание: «Пусть бы уж... веселились, как умеют» (т. 5, с. 176).

Схожий портрет в рассказе «Свояк Сергей Сергеевич» (1969) – герой «курносый, с круглыми, бутылочного цвета глазами» (т. 5, с. 7). Он не согласен, что везде отдохнуть можно, и противопоставляет деревне Ялту (т. 5, с. 8). Курорт манит особыми изысками в алкоголе, который на Алтае в магазине даже правильно назвать не могут.

Отправившись в путешествие, герои «Печек-лавочек» в купе встречают не только занудного «моралиста» и обаятельного вора, но и ученого, исследующего

¹³ Первоначальный вариант названия – «Загадочная славянская душа». Рассказ впервые опубликован с заглавием «На курорте».

язык простых жителей. Анекдотическое решение ряда сцен, порожденных навивностью персонажей, переводит путешествие в философский план, раскрывая пространственную оппозицию Сибирь / курорт. Рецидивист одобряет движение в сторону моря: «К югу – это хорошо, – похвалил конструктор. – Я сам думаю махнуть скоро... – И конструктор пропел шутливо: – Там море Черное, песок и пляж, там жизнь привольная чарует нас!.. Да?» (т. 5, с. 263). Курорт у Шукшина предстает пространством преступления и вседозволенности, о котором (как о райском вознаграждении за «трудовую» жизнь) мечтает в фильме герой Г. Буркова.

Маркированность топоса закреплена в песенной советской культуре. Вор напевает строки о привольной жизни из «блатной» народной песни «Севастополь» («Севастополь скрылся за кормою...»). Значимо, что в сфере значений овеянного морской славой города Шукшин выбирает уголовный сегмент. Похожее есть в «Калине красной», «сопоставление тюрьмы и курорта в словах внезапно вмешавшегося в разговор отца идет в одной градационной шкале, на которой тюрьма находится после курорта» [«Калина красная»: поэтика, семиотика, контекст, 2025, с. 73]¹⁴. А. И. Куляпин видит проблему «в том, что пропуск в земной Эдем может получить только тот, кто готов занять позицию “по ту сторону добра и зла”. Курортный имморализм дает Шукшину основание маркировать южное пространство как локус бесовский... В поезде по пути на юг Нюра Расторгуева видит сон, в котором курортная жизнь неотличима от вселенского шабаша» [Куляпин, 2016, с. 35]. В неудачах персонажей скрыто авторское отношение к решению проблемы¹⁵.

В рассказе «Два письма» «курорты, понимаешь, санатории...» (т. 3, с. 108) подчеркивают невозможность вернуться в деревню, которой противопоставлены многократно посещенные летние Гагры (т. 3, с. 108). Морской курорт, часто остающийся без моря, оппозиционен деревне, оставшейся в прошлом.

Море (Балтийское – Черное), разворачиваясь в антитезе севера (значимо отсутствующего) и юга, вписывается в географию писателя: «Художественное пространство В. М. Шукшина отличается несомненным своеобразием, базирующемся на архетипическом делении пространства на “свое” и “чужое”, где “свое” пространство неизменно наделяется положительной семантикой, а “чужое” оказывается смертельно опасным или профанным. В результате активизации

¹⁴ О курортном мифе в творчестве писателя [Геопоэтика В. М. Шукшина, 2017, с. 111–117].

¹⁵ Исследователи сосредоточиваются на описании полуострова как сферы преступления и воли. Но берег моря таит в себе смыслы наказания и несвободы.

процесса семиозиса реальная география вытесняется в текстах В. М. Шукшина мифогеографией...» [Куляпин, 2022, с. 101]. При этом геопоэтическое осмысление южного локуса оказывается Шукшиным словно недоосвоенным: герой и автор остаются на берегу.

В рассказе «Митька Ермаков» (1970) герой в юности мечтал «сплыть по рекам к Ледовитому океану. А там попытаться продвинуться по льду к Северному полюсу. Мечтал также отправиться в поисковую экспедицию в Алтайские горы – искать золото и ртуть» (т. 5, с. 80). Поиск мифического севера соотнесен с поиском несуществующего Беловодья (его искали в Алтайских горах) и золотой лихорадкой. В таком контексте морские воды севера в мечтах заглавного персонажа характеризуют его оторванность от реальности. Север в мифогеографии Шукшина смещается, концентрируясь в Сибири, и движение с Алтая на черноморский курорт предстает как путешествие на юг (а не на запад).

Море курортного городка появляется в рассказе «Чередниченко и цирк» (1970), не включенном автором в прижизненные издания¹⁶. На набережной восхищаются пароходом «Россия» влюбленные: «Куда-нибудь бы поплыть... Далеко-далеко! Да?.. – На таком, наверно, и не чувствуешь, что плывешь. Хотя в открытом море... “Давайте, давайте – плывите, – машинально подхватил их слова Чередниченко, продолжая спокойно разглядывать пароход. – Плывите!.. Молокососы”... Ему было очень хорошо на скамеечке, удобно. И Чередниченко стал тихонько, себе под нос, насвистывать “Амурские волны”» (т. 5, с. 105). Потерпевшему неудачу в любви герою нет места на корабле со знаковым названием. Через дальневосточную музыкальную тему он возвращается в «засибирский» локус, актуализируя даль, дальность и семиотику границы.

Известный вальс изначально назывался «Волны Амурского залива», но потом из-за утраты одного слова название, потеряв соотнесенность с морем, стало ассоциироваться с рекой. Так и в жизни Шукшина произошла подмена: речные водники вытеснили революционеров-матросов. В текстах Шукшина только С. Разину покорились и открытое море, и реки. Персонаж «Двух писем», мечта об освобождении от навязанной жизни, знак которой – курорт, понимает, что вернуться в деревню невозможно: «Жены-то бунт поднимут. А деревня частенько снится. Давай, слушай, махнем куда-нибудь вместе? Только не в Гагры, ну их к черту. На Волгу куда-нибудь?» (т. 3, с. 110). Волга в ценностной шкале занимает срединное место между «страшным» черноморским курортом и сибирской деревней. Названная река, связанная с прадедами автора, важна пи-

¹⁶ См. о поэтике рассказа [Куляпин, 2024]

сателю как «разинский locus» [Куляпин, 2016а, с. 130]. Это ключевой образ поэтики Шукшина.

В рассказе «Чужие» (1974) названо Желтое море. «Японская война», «Тихий океан», броненосец «Цесаревич», «Порт-Артур», «адмирал Рождественский» (правильно Рождественский), линкор «Петропавловск», Цусима подерживают восточный полюс морской географии Шукшина. В незаконченном произведении периода разработки разинской темы сопоставляются два человека, связанные с дальневосточным морем. В «чужом» тексте ненастоящий моряк – вор, неуч, блудник, впоследствии бежавший в Париж, – связан с морем (финал истории: «Накормил царев дядя рыб Желтого моря русскими мужицкими телами в матросских рубахах и солдатских шинелях!», т. 7, с. 111), как и побывавший в японском плену дядя Емельян, хранивший молчание о море: «...что он – моряк, что был в плену у японцев – это интересно. Но как раз об этом он не любил почему-то рассказывать. Я даже не знаю, на каком корабле он служил: может, он говорил, да я забыл, а может и не говорил» (т. 7, с. 111). Настоящий человек противопоставлен своему непутевому брату («сыны одного народа»). Нет ответа, как преодолеть пропасть, разделяющую их (даже в смерти нет сближения).

Море включено в тексты Шукшина через цитирование песен. Выбор песен специфический – это уголовная сфера. Блатная тема негативно маркирует пространство отдыха, страшный райско-адский курорт в «Печках-лавочках». Часто эти песни жалостливые и затрагивают любовную тему. В «Сельских жителях» («Перед полетом», 1962) ставшая народной песня «Раскинулось море широко...» (сл. Г. Зубарева, муз. А. Гурилева) – песня про смерть кочегара, в адской топке заслужившего матросскую форму, – выделяет персонажа определенного типа. Однако оппозиционность раннего Шукшина здесь не до конца оформлена.

В рассказе «Медик Володя» (1972) герой, пытаясь добавить себе в глазах девушки многоопытности, неточно цитирует строчку из романса «Корабли» Б. А. Прозоровского («И разошлись, как в море корабли...»), заменяя «ночью» на «в море»¹⁷. Демонстративное цитирование свидетельствует, как отмечал автор, о «щеголянии эрудицией» (т. 6, с. 83).

Внезапно и, казалось бы, не к месту возникающий образ моря в речи героев сигнализирует об их оторванности от дома и семьи. В киноповести «Брат

¹⁷ Это выражение, сигнализирующее об отдаленности человека от морского дискурса, встречается часто: «Медик Володя» (т. 6, с. 83), «Как Андрей Иванович Куринков, ювелир, получил 15 суток» (т. 7, с. 90), в повести-сказке «Точка зрения» дважды (т. 3, с. 266, 272).

мой...» в ответ на просьбы рассказать о жизни Иван вспоминает строчку из «Шаланд» (1943, музыка Н. Богословского, слова В. Агатова): «Я вам не скажу за всю Одессу...» (т. 7, с. 125). Песня, впервые прозвучавшая в кинофильме «Два бойца», актуализирует образ войны/битвы в раскрытии любовной темы.

Этим же контекстом определяется «бестолковая» песня студентов из киноповести «Печки-лавочки»: «В трюмах кораллы и жемчуг; / Весел пиратский бриг. / Судно ведет с похмелья / Сам капитан-старик...» (т. 5, с. 281). Это уличная блатная песня о том, как море забрало сына и дочь.

В рассказе «Ораторский прием» (1971) неточная цитата из народной песни «В нашу гавань заходили корабли...» предсказывает поражение атамана: «К нам в гавань заходили корабли; / Уютна и прекрасна наша гавань. / В таверне веселились моряки / И пили за здоровье атамана!» (т. 5, с. 220). Оппозиция свой / чужой выстраивается в песенном тексте через принадлежность к океану: «И в воздухе блеснули два ножа: / – Эх, братцы, он не наш, не с океана! / – Мы, Гари, посчитаемся с тобой! – / Раздался пьяный голос атамана» (т. 5, с. 221). Так и главный герой рассказа отличается от остальных своей «непринадлежностью» к мужикам.

Красноречиво об этом свидетельствует развернутая метафора, на которой он строит свое выступление на собрании: «Мы дрейфуем на льдине. И среди нас завелся один... субъект, который мутит воду. Все горят желанием взять правильный курс, а этот субъект явно тормозит...» (т. 5, с. 222). Важно даже не то, что нельзя взять курс на дрейфующей льдине¹⁸, а то, что герой примеривает на себя непосильную роль атамана. Уподобляясь Разину, он кричит: «В воду!». Но повержен не противник, а он сам.

В рассказе «Одни» (1963), как и в одноименном литературном сценарии (1965), песня «Про Володю-молодца» становится узловым моментом сближения героев. Антип не хочет исполнять эту песню, потому что она «тяжелая», но жена настаивает: «Ничего. Я поплачу хоть маленько» (т. 1, с. 172). Народные песни «Ох, не вейтися, чайки, над морем» и «Ох, в двенадцать часов темной ночью» объединены в рассказе в одну¹⁹. У Шукшина выбрана – Сибирь («Сибирь, край далекий»), отсюда сдвиг: редкая чайка (морская птица) долетит до середины континента. Шукшин также выбирает вариант «отца» вместо «мамаши» и редуцирует мотив брошенного с моста тела (аналог мотива выбрасывания княжны

¹⁸ Подробнее: [Маркина, 2009].

¹⁹ Они имеют разные варианты, известен вариант с Приморьем.

Разиным в воду, важный для автора). Смерть в песне рождает в Марфе покаянные чувства (т. 1, с. 173).

В повести «Там, вдали» (1966) Ольга ночью делится с мужем своим решением начать новую «честную» жизнь: «Странно мне, Петя! Как будто, знаешь, шла, шла и вдруг – море. Совсем не ждала. И прямо не знаю, что мне с ним делать – большущее такое!..» (т. 3, с. 247). Море и здесь имеет амбивалентную семантику, с одной стороны, маня человека неограниченными возможностями, с другой, – не давая осуществиться задуманному.

В рассказе «Митька Ермаков» появляется пространный диалог очкариков-туристов, отдыхающих на берегу озера/реки и наблюдающих за *брошенными в воду*²⁰ палками (дословно повторяется в киноповести «Брат мой...»). Их разговор состоит из шаблонных фраз, составленных с претензией на глубокую философию: «Корабли в шторм стараются уйти подальше от берега», «в шторм... в житейский, так сказать, шторм выживают наиболее сильные – кто дальше отгребется», «как оказаться подальше от берега?», «как выжить в житейский шторм?», «Можно за баркас зацепиться...». Именно эти персонажи не дают герою осуществить разинский жест утопления.

Герой рассказа «Петька Краснов рассказывает...» (1973)²¹, увидев в музее кожаное пальто Чехова, в котором он «на Сахалин ездил», приходит к заключению, что чахотку писатель приобрел в Сибири: «От он тогда и простыл. Додуматься – в таком пальтишке в Сибирь! ...Ну-ка, протрясись в таком кожанчике через всю Сибирь...» (т. 7, с. 23). Первоначально складывается впечатление, что Сахалин и есть Сибирь, но потом обозначен вектор движения, вновь вычерчивающий восточный полюс «морского текста».

Сибирь как полюс нездоровья противопоставлена черноморскому курорту как всесоюзной здравнице. Известно, что и Шукшин в 1969 г. пытался поправить здоровье в ялтинском санатории «Голубой залив».

Трагично в жизни самого писателя, заболевшего и не исцелившегося на море, обозначилась каюта. А. Ковтун, фотографировавший Шукшина на «Дунае» в конце августа скорбного года, обратил внимание на его чрезмерную усталость. Это подтвердил сам писатель: «Да, устал, даже не от съемок, от каюты, от ее тесноты, воздуха не хватает, стены прямо давят» [Время Шукшина, 2004, с. 102].

²⁰ Курсив наш. – П.М.

²¹ Первоначальные названия: «Как Петька Краснов рассказывал о своем пребывании на курорте», «Странности Петра Краснова».

Иногда «морская» лексика соотносится с другим дискурсом. В литературном сценарии «Посевная компания» есть «китель» (т. 1, с. 262, без уточнения «морской»), который носит секретарь. Хотя в фильме «Из Лебяжьего сообщают» этот герой ходит в пиджаке. В рассказе «Как Андрей Иванович Куренков, ювелир, получил 15 суток» (1974) китель не относится к морской форме. Он должен был сигнализировать о принадлежности к органам власти (военный мундир брата), однако выдал обманщика-капитана: «китель на ювелире явно не с его плеча» (т. 7, с. 88). Во второй книге «Любавиных» новый китель носит Ивлев (т. 2, с. 262), эта одежда также не отсылает к морскому дискурсу²². В рассказе «Пьедестал» (1973) «лучший художник города» иронизирует над любителем: «Что нарисовал-то? – спросил тот. И посмотрел весело на Смородина. – “Утро нашей Родины”?» (т. 6, с. 162). На названной картине Ф. С. Шурпина изображен Сталин в белом кителе.

В рассказе «Материнское сердце» прокурор пытается объяснить матери необходимость суда над сыном через аллегория многодетного отца, который вынужден ремнем учить нашкодившего ребенка, чтобы остальные дети думали, слушаться им или нет: «Так в большом семействе поддерживался порядок. Только так. Прости отец одному, прости другому – что в семье? Развал. Я понимаю тебя, тебе жалко... Если хочешь, и мне жалко – там не курорт, и поедет он, судя по всему, не на один сезон. По-человечески все понятно, но есть соображения высшего порядка, там мы бессильны... Судить будут. Сколько дадут, не знаю, это решает суд» (т. 5, с. 40). Аллегория отца-государства, воспитывающего своих детей через суд тюрьмой (там не курорт), соотносится с самим героем, добрым «разбойником», уложившем флотским ремнем милиционера (представителя власти) на больничную койку.

Слова «море», чаще «волны», «корабль», «лодка» в текстах Шукшина связаны с лесом, рекой, человеческими чувствами (в письмах – с болезнью), космосом, рекой, озером и др. «Волна» отсылает к волжскому тексту Шукшина, связанному с отцом и Разиным. Выстраивается «водное» сопоставление: Волга – Катунь. В киноповести «Брат мой...» проигравший «братке» в соперничестве за возлюбленную Сеня идет к реке, в которой даже местные опасались плавать: «Эх, роднуля! – И нырнул в “набежавшую волну”» (т. 7, с. 151). В авторской ремарке закавычена отсылка к народной песне о Степане Разине «Из-за острова на стрежень...» (сл. Д. Н. Садовникова)²³.

²² Там же сходная шаблонная фраза: «Побежал с корабля?» (т. 2, с. 419).

²³ Ситуация повторяет дословно фрагмент рассказа «Митька Ермаков» (т. 5, с. 81), только меняются место «купания» и «мотив» персонажа.

В рассказе представлен холодный Байкал (написание текста совпало со съемками в фильме «На озере»). Желание «покрасоваться» перед женщиной в киноповести уходит на второй план, уступая место взаимоотношениям братьев, у которых умер отец. Фамилия персонажа, вынесенная в заглавие рассказа, смерть в волнах («очкарики») делают «искусственное дыхание по всем правилам где-то когда-то усвоенной науки спасения утопающих», т. 5, с. 82) отсылают к фигурам Ермака и Чапаева²⁴, сближенных схожей кончиной. Вспомним, что песню «Ревела буря, гром гремел...» (неточная цитата из песенной переработки думы К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака») напевает в своих мечтах герой рассказа «Чердниченко и цирк». И именно эта песня предваряет развязку в фильме «Чапаев».

Таким образом, «морской текст» Шукшина сочетает в себе факты биографии и образы из литературных и кинематографических произведений. В творческой эволюции Шукшина можно выделить несколько этапов, отражающих динамику «морской» темы: от ранних образов и не до конца оформившихся оценок к поздней четкой системе повторяющихся семантических паттернов, подтекста. Источники мифопоэтики писателя самые разные – от фольклорных элементов народной и советской культуры, до спора с классиками и самим собой. Морские образы часто перестают относиться к морскому дискурсу, становясь знаками других сфер, в том числе и уголовной. Море сопоставлено с рекой. Особое значение приобретает образ атамана в его связи с образом отца. Сравнивая ранний период и поздний, отметим изменения в жизнетворчестве писателя. Корректировка автобиографии обращает на себя внимание современников и исследователей. На важность этого компонента есть указания в творчестве. Приведение биографии в соответствие написанному порождает мистификации и мифологизацию жизненного сюжета писателя. В системе стратегий поведения есть образы, наделенные константным значением, что позволяет Шукшину моделировать определенную картину мира – одним из таких знаков является море.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **В. М. Шукшин: pro et contra. Современные аспекты исследования:** монография; сост., вступ. статья А. И. Куляпина. – Санкт-Петербург: Издательский дом РХГА, 2024. – 676 с.

2. **Время Шукшина:** [фотоальбом] / [Савва Ямщиков; фото / текст Анатолий Ковтун]. – [Б. м.] : [б. и.], 2004. – 112 с.

²⁴ Подробнее [Геопозитика В. М. Шукшина, 2017, с. 66–76]

3. **Вяткин, Л.** Мечта Василия Шукшина. Как будущий писатель и кинорежиссер на Черноморском флоте служил / Л. Вяткин // Столетие. – 23.02.2014. – URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/mechta_vasilija_shukshina_545.htm?ysclid=md15cg15sk963576559 (23.07.2025).
4. **Гапов, М. Г.** / М. Г. Гапов // Он похож на свою родину: Земляки о Шукшине / Сост. В. И. Ащеулов, Ю. Г. Егоров. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. – С. 81–83.
5. **Геопоэтика В. М. Шукшина:** коллективная монография / Т. А. Богумил, А. И. Куляпин, Е. А. Худенко; науч. ред. А. И. Куляпин. – Барнаул: АлтГПУ, 2017. – 176 с.
6. **Гинзбург, В.** Ученическая тетрадь в коленкоровом переплете / В. Гинзбург // О Шукшине: Экран и жизнь / сост. Л. Н. Федосеева-Шукшина, Р. Д. Черненко. – Москва: Искусство, 1979. – С. 213–223.
7. **Гордон, А. В.** Не утоливший жажды: об Андрее Тарковском: монография / А. В. Гордон. – Москва: Вагриус, 2007. – 380 с.
8. **Горн, В. Ф.** Василий Шукшин: Личность. Книги: монография / В. Ф. Горн. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. – 284 с.
9. **Гришаев, В. Ф.** Шукшин. Сростки. Пикет / В. Ф. Гришаев. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1994. – 149 с.
10. **Заболоцкий, А.** Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора / А. Заболоцкий. – Москва: Альпари, 1997. – 255 с.
11. **Зиновьев, С. А.** Любил нас как детей своих / С. А. Зиновьев // Шукшин В. М. Надеюсь и верую Рассказы. Киноповесть «Калина красная». Письма. Воспоминания / К 70-летию со дня рождения В. М. Шукшина. – Москва: Воскресенье, 1999. – С. 459–465.
12. **«Калина красная»: поэтика, семиотика, контекст:** коллективная монография / Г. В. Ануфриева, Т. А. Богумил, А. А. Карагодин и др.; науч. ред. А. И. Куляпин; отв. ред. П. В. Маркина. – Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2025. – 175 с.
13. **Коробов, В. И.** Шукшин: вещее слово / В. И. Коробов. – Москва: Молодая гвардия, 2009. – 418 с.
14. **Куляпин, А. И.** Катунь и Волга в мифогеографии В. М. Шукшина / А. И. Куляпин // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая: сборник научных статей / отв. ред. А. И. Куляпин. – Барнаул: АлтГПУ, 2016а. – С. 127–135.
15. **Куляпин, А. И.** «Куда ж нам плыть?» Поэтика рассказа В. М. Шукшина «Чередниченко и цирк» / А. И. Куляпин // Критика и семиотика. – 2024. – № 1. – С. 287–298.

16. **Куляпин, А. И.** Между ангелом и бесом: рассказ В. М. Шукшина «Сураз» в контексте русской классики / А. И. Куляпин // *Художественное произведение: структура, дискурс, медиа: коллективная монография* / под ред. С. М. Козловой, Е. Ю. Сафроновой, Т. В. Чернышовой. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2016б. – С. 408–413.

17. **Куляпин, А. И.** Семиотика художественного пространства В. М. Шукшина: монография / А. И. Куляпин. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2016в. – 160 с.

18. **Куляпин, А. И.** Художественная география В. М. Шукшина / А. И. Куляпин, Е. А. Худенко, Т. А. Богумил // *Культура и текст*. – 2022. – № 1(48). – С. 98–109.

19. **Левашова, О. Г.** «Ломоносовский миф» и проблема биографического текста В. М. Шукшина / О. Г. Левашова // *Сибирский филологический журнал*. – 2014. – № 3. – С. 14–19.

20. **Лезинский, М.** «Матросский университет» Василия Шукшина / М. Лезинский // *Проза. ru*. 2004. – Свидетельство о публикации № 2411270045. – URL: <https://proza.ru/2012/03/17/183?ysclid=md154aa8e0333273690> (23.07.2025).

21. **Маркина, П. В.** Межличностная коммуникация в рассказах В. М. Шукшина / П. В. Маркина // *Шукшинский текст: опыт прочтения: межвузовский сборник научных статей, посвященных восьмидесятилетию В. М. Шукшина*. – Барнаул: Алтайская гос. пед. акад., 2009. – С. 75–82.

22. **Марьин, Д. В.** Василий Шукшин: бой в три раунда / Д. В. Марьин // *Шукшин В. М. Собрание сочинений в 9 т. – Т. 1.* – Барнаул: Изд. дом «Барнаул», 2014. – С. 10–52.

23. **Марьин, Д. В.** Радист Василий Шукшин / Д. В. Марьин // *Военно-исторический журнал*. – 2009. – № 10. – С. 69.

24. **Марьин, Д. В.** Шукшинская география (города СССР в жизни и творчестве В. М. Шукшина) / Д. В. Марьин // *Сибирский филологический журнал*. – 2012. – № 3. – С. 99–105.

25. **О Шукшине: Экран и жизнь** / сост. Л. Н. Федосеева-Шукшина, Р. Д. Черненко. – Москва: Искусство, 1979. – 335 с.

26. **Пряхина, А. С.** Воспоминания о Шукшине / А. С. Пряхина // *Шукшинский вестник*. – Сrostки: [б. и.], 2005. – Вып. 1. – С. 83–151.

27. **Разувалова, А. И.** Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов: монография / А. И. Разувалова; Институт русской литературы (Пушкинский дом), Центр теоретико-литературных и междисциплинарных исследований. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – 612 с.

28. **Решетников, А.** Решил стать кинорежиссером / А. Решетников // Советский воин. – 1955. – № 10. – С. 27.
29. **Скубач, О. А.** К семантике образа героя-путешественника в произведениях В. М. Шукшина / О. А. Скубач // Творчество В. М. Шукшина как целостность. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 55–59.
30. **Тепляков, С. А.** Василий Шукшин: «А любить надо...»: монография / С. А. Тепляков. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2018. – 379 с.
31. **Топоров, В. Н.** О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. – Москва: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 575–622.
32. **Ульянова, Г.** «...Служил действительную во флоте...» / Г. Ульянова // Сибирские огни. – 2010. – № 10 (Октябрь). – URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/sluzhil-deystvitelnuyu-vo-flote?ysclid=md157slt9a277728061> (23.07.2025).
33. **Феномен творческой неудачи:** коллективная монография / Н. В. Барковская, Т. Н. Бреева, Л. П. Быков [и др.]. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. – 486 с.
34. **Хуциев, И.** Рассказы / И. Хуциев // О Шукшине: Экран и жизнь / сост. Л. Н. Федосеева-Шукшина, Р. Д. Черненко. – Москва: Искусство, 1979. – С. 323–328.
35. **Чикильдик, С. К.** Алексей Ванин: монография / С. К. Чикильдик. – Барнаул: Алт. Дом печати, 2021. – 383 с.
36. **Шукшин, В. М.** Собрание сочинений: в 9 т. – Барнаул: Изд. дом «Барнаул», 2014.

REFERENCES

1. **Chikil'dik, S. K.** Aleksej Vanin: monografiya / S. K. Chikil'dik. – Barnaul: Alt. Dom pechati, 2021. – 383 s.
2. **Fenomen tvorcheskoy neudachi** : kollektivnaya monografiya / N. V. Barkovskaya, T. N. Breeva, L. P. Bykov [i dr.]. – Ekaterinburg: UrFU, 2015. – 486 s.
3. **Gapov, M. G.** / M. G. Gapov // On pohoZh na svoyu rodinu: Zemlyaki o Shukshine / Sost. V. I. Ashheulov, Yu. G. Egorov. – Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1989. – S. 81–83.
4. **Geopoetika V. M. Shukshina:** kollektivnaya monografiya / T. A. Bogumil, A. I. Kulyapin, E. A. Hudenko; nauch. red. A. I. Kulyapin. – Barnaul : AltGPU, 2017. – 176 s.
5. **Ginzburg, V.** Uchenicheskaya tetrad' v kolenkorovom pereplete / V. Ginzburg // O Shukshine: E'kran i zhizn' / sost. L. N. Fedoseeva-Shukshina, R. D. Chernenko. – Moskva: Iskusstvo, 1979. – S. 213–223.

6. **Gordon, A. V.** Ne utolivshij zhazhdy: ob Andree Tarkovskom: monografiya / A. V. Gordon. – Moskva: Vagrius, 2007. – 380 s.
7. **Gorn, V. F.** Vasilij Shukshin: Lichnost'. Knigi: monografiya / V. F. Gorn. – Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1990. – 284 s.
8. **Grishaev, V. F.** Shukshin. Srostki. Piket / V. F. Grishaev. – Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1994. – 149 s.
9. **«Kalina krasnaya»: poetika, semiotika, kontekst:** kollektivnaya monografiya / G. V. Anufrieva, T. A. Bogumil, A. A. Karagodin i dr.; nauch. red. A. I. Kulyapin; otv. red. P. V. Markina. – Barnaul: OOO «AZBUKA», 2025. – 175 s.
10. **Korobov, V. I.** Shukshin: veshchee slovo / V. I. Korobov. – Moskva: Molodaya gvardiya, 2009. – 418 s.
11. **Kulyapin, A. I.** Katun and the Volga in the Mythogeography of V. M. Shukshin / A. I. Kulyapin // Geopoetics of Writers of Siberia and Altai : Collection of Scientific Articles / Ed. by A. I. Kulyapin. – Barnaul: AltGPU, 2016a. – S. 127–135.
12. **Kulyapin, A. I.** «Kuda zh nam plyt'?» Poetika rasskaza V. M. Shukshina «Cherednichenko i cirk» / A. I. Kulyapin // Kritika i semiotika. – 2024. – № 1. – S. 287–298.
13. **Kulyapin, A. I.** Mezhdru angelom i besom: rasskaz V. M. Shukshina «Suraz» v kontekste russskoj klassiki / A. I. Kulyapin // Hudozhestvennoe proizvedenie: struktura, diskurs, media: kollektivnaya monografiya / pod red. S. M. Kozlovoj, E.Yu. Safronovoj, T. V. Chernyshovoj. – Barnaul: Izd-vo Altajsskogo un-ta, 2016b. – S. 408–413.
14. **Kulyapin, A. I.** Semiotika hudozhestvennogo prostranstva V. M. Shukshina: monografiya / A. I. Kulyapin. – Barnaul: Altajsskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2016c. – 160 s.
15. **Kulyapin, A. I.** Hudozhestvennaya geografiya V. M. Shukshina / A. I. Kulyapin, E. A. Hudenko, T. A. Bogumil // Kul'tura i tekst. – 2022. – № 1(48). – S. 98–109.
16. **Levashova, O. G.** «Lomonosovskij mif» i problema biograficheskogo teksta V. M. Shukshina / O. G. Levashova // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2014. – № 3. – S. 14–19.
17. **Lezinskij, M.** «Matrosskij universitet» Vasiliya Shukshina / M. Lezinskij // Proza. ru. 2004. – Svidetel'stvo o publikacii № 2411270045. – URL: <https://proza.ru/2012/03/17/183?ysclid=md154aa8e0333273690> (23.07.2025).

18. **Markina, P. V.** Mezhlichnostnaya kommunikaciya v rasskazah V. M. Shukshina / P. V. Markina // Shukshinskij tekst: opyt prochteniya: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyh vos'midesyatiletiju V. M. Shukshina. – Barnaul: Altajskaya gos. ped. akad., 2009. – S. 75–82.
19. **Mar'in, D. V.** Vasilij Shukshin: boj v tri raunda / D. V. Mar'in // Shukshin V. M. Sobranie sochinenij v 9 t. T. 1. – Barnaul: Izd. dom «Barnaul», 2014. – S. 10–52.
20. **Mar'in, D. V.** Radist Vasilij Shukshin / D. V. Mar'in // Voennistoricheskij zhurnal. – 2009. – № 10. – S. 69.
21. **Mar'in, D. V.** Shukshinskaya geografiya (goroda SSSR v zhizni i tvorchestve V. M. Shukshina) / D. V. Mar'in // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2012. – № 3. – S. 99–105.
22. **O Shukshine: Ekran i zhizn'** / sost. L. N. Fedoseeva-Shukshina, R. D. Chernenko. – Moskva: Iskusstvo, 1979. – 335 s.
23. **Pryaxina, A. S.** Vospominaniya o Shukshine / A. S. Pryaxina // Shukshinskij vestnik. – Srostki: [b. i.], 2005. – Vy'p. 1. – S. 83–151.
24. **Razuvalova, A. I.** Pisateli-«derevenshchiki»: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-h godov: monografiya / A. I. Razuvalova ; Institut russkoj literatury (Pushkinskij dom), Centr teoretiko-literaturnyh i mezhdisciplinarnyh issledovanij. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 612 s.
25. **Reshetnikov, A.** Reshil stat' kinorezhisserom / A. Reshetnikov // Sovetskij vojn. – 1955. – № 10. – S. 27.
26. **Shukshin V. M.** Sobranie sochinenij: v 9 t. – Barnaul: Izd. dom «Barnaul», 2014.
27. **Skubach, O. A.** K semantike obraza geroya-puteshestvennika v proizvedeniyah V. M. Shukshina / O. A. Skubach // Tvorchestvo V. M. Shukshina kak celostnost'. – Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1998. – S. 55–59.
28. **Teplyakov, S. A.** Vasilij Shukshin: «A lyubit' nado...»: monografiya / S. A. Teplyakov. – Barnaul: Altajskij dom pečati, 2018. – 379 s.
29. **Toporov, V. N.** O «poeticheskom» komplekse morya i ego psiho-fiziologicheskikh osnovah / V. N. Toporov // Mif. Ritual. Simvol. Obraz : Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. Izbrannoe. – Moskva: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995. – S. 575–622.
30. **Ul'yanova, G.** «...Sluzhil dejstvitel'nyu vo flote...» // Sibirskie ogni. – 2010. – № 10 (Oktjabr'). – URL: <https://sibirskieogni.rf/content/sluzhil-deystvitelnyu-vo-flote?ysclid=md157slt9a277728061> (23.07.2025).

31. **V. M. Shukshin: pro et contra. Sovremennye aspekty issledovaniya:** monografiya; sost., vstup. stat'ya A. I. Kulyapina. – Sankt-Peterburg: Izdatel'skij dom RHGA, 2024. – 676 s.

32. **Vremya Shukshina:** [fotoal'bom] / [Savva Yamshchikov; foto/tekst Anatolij Kovtun]. – [B. m.] : [b. i.], 2004. – 112 s.

33. **Vyatkin, L.** Mechta Vasiliya Shukshina. Kak budushchij pisatel' i kinorezhisser na Chernomorskom flote sluzhil / L. Vyatkin // Stoletie. – 23.02.2014. – URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/mechta_vasilija_shukshina_545.htm?ysclid=md15cg15sk963576559 (23.07.2025).

34. **Xuciev, I.** Rasskazy' / I. Xuciev // O Shukshine: E`kran i zhizn' / sost. L. N. Fedoseeva-Shukshina, R. D. Chernenko. – Moskva : Iskusstvo, 1979. – S. 324–328.

35. **Zabolockij, A.** Shukshin v kadre i za kadrom. Zapiski kinooperatora / A. Zabolockij. – Moskva : Al'pari, 1997. – 255 s.

36. **Zinov`ev, S. A.** Lyubil nas kak detej svoix / S. A. Zinov`ev // Shukshin V. M. Nadeyus' i veruyu Rasskazy'. Kinopovest' «Kalina krasnaya». Pis'ma. Vospominaniya / K 70-letiyu so dnya rozhdeniya V. M. Shukshina. – Moskva: Voskresen'e, 1999. – S. 459–465.

Статья поступила в редакцию 27.08.2025 г.